

УДК 329.1/6

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕКРУТИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. И. Шестов, А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru, vil57@yandex.ru

В статье обоснована теоретическая позиция, согласно которой идеологические ценности в процессах рекрутирования политических элит в современных условиях выполняют вспомогательную, инструментальную роль. Это обусловлено тем, что классические метаидеологии (либерализм, консерватизм, социал-демократия) утратили четкость границ своего социального позиционирования в результате взаимного ценностного заимствования и формирования своего рода консенсусного ценностного ядра. Но отсутствие реальной конкуренции стратегических идеологических альтернатив, как представляется, есть не что иное, как обозначенное в свое время К. Леонтьевым начало упадка социально-политической системы в результате перехода ко «вторичному смешительному упрощению». Не случайно, что либеральная модель демократического «общества потребления», навязываемая всему миру в процессе глобализации как универсальная, вызывает сопротивление во многих странах мира и приводит к конфликтам различного рода.

Ключевые слова: политические элиты, виды политических элит, рекрутирование политических элит, ценностные основания рекрутирования элит, политические идеологии, процессы глобализации.

Value Bases of Contemporary Elites' Recruitment: Problems and Perspectives

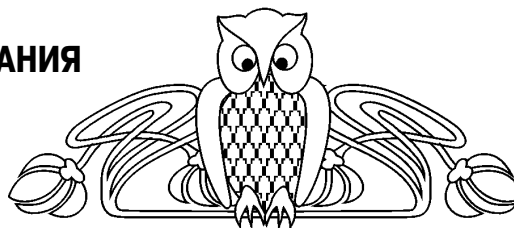
N. I. Shestov, A. A. Vilkov

The idea that today ideological values play accidental and instrumental role in the process of political elites' recruitment is postulated in this article. The reason is that classic meta-ideologies (i.e. liberalism, conservatism, and social democracy) have lost preciseness of the borders of their positioning because of mutual value borrowing and formation of a so-called consensus value core. However, the absence of the real competence of strategic alternatives is arguably nothing else but the beginning of social and political system decline in the wake of transition to «repeated mixing simplification», as it was stated by K. Leontiev. It comes as no surprise, that liberal model of democratic «society of consumption», which is imposed in the process of globalization as universal, causes obstinacy in many countries and leads to different conflicts.

Key words: political elites, types of political elites, political elites' recruitment, value bases of elites' recruitment, political ideologies, processes of globalization.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-86-91

В XIX в. известный консервативный русский мыслитель К. Н. Леонтьев обосновал закономерность трех фаз развития, выведенных им для любого социально-политического организма. По

его мнению, этому закону подчинены и государственные организмы, и целые культуры мира, у которых очень ясны три периода: «1) первичной простоты, 2) цветущей сложности и 3) вторичного смешительного упрощения»¹. «Цветущая сложность» – это, в его интерпретации, пиковая фаза, фаза максимального совершенства системы, после которой начинаются «упадок», «смешительное упрощение» и вероятно даже гибель «организма».

Данная теоретическая схема приведена не для того, чтобы пророчествовать нынешним политическим элитам, российским в том числе, более или менее отдаленное, но неизбежно плохое будущее. Современные либерально-демократические механизмы воспроизводства и ротации элит если и не гарантируют их от внезапных потрясений (как это показывает опыт теперь уже многочисленных «цветных революций» в разных частях света и развитие в последний год событий на Украине), то, по крайней мере, позволяют такие потрясения пережить и реанимироваться.

Просто данное понятие, как представляется, достаточно образно и емко характеризует важное качество общей картины современного бытия политических элит. Что предстает перед глазами рядового гражданина в демократическом государстве, когда он наблюдает за политическим процессом? Он видит участие в политике разных субъектов, претендующих на элитарный статус. Он видит, как они образуют в политическом процессе определенную «элитарную тусовку». Но он ничего не может точно сказать относительно обоснованности претензий данных субъектов на элитарность. Он не может с уверенностью знать того, действительно ли в данном случае перед ним реализуется именно политическая элитарность или же происходит нечто иное, суть чего понятие «политическая элита» только камуфлирует.

Это не вопрос неспособности рядового гражданина разобраться в сути происходящего перед его глазами, это не вопрос несовершенства гражданской политической культуры. Это вопрос легитимности политического участия тех людей, которые, собственно, сами себя считают политической элитой и претендуют на лидерство в политическом процессе. А сомнение рядовых граждан в легитимности претензий на политическое лидерство тех, кто сам себя определяет в качестве политического лидера, как раз и порождает в современной либерально-демокра-

тической политике многочисленные проблемы: с одной стороны, растущую электоральную и политическую пассивность значительной части населения, а с другой – «цветные революции», «майданы» и прочие подобные эксцессы.

Например, по данным социологического опроса Левада-центра на август 2014 г.² о желании российских граждан участвовать в политике, вариант ответа «Я принимаю активное участие в деятельности политической партии/группы или активно поддерживаю ее» выбрали только 2% опрошенных; 40% респондентов выбрали вариант «Я с интересом слежу за политическими событиями в России, но не принимаю участия в деятельности политических партий/групп»; 30% отметили вариант «Я довольно безразлично отношусь к политической жизни в России, она меня не слишком заботит»; почти четвертая часть респондентов (23%) выбрали ответ «Мне не нравится политика, и я не собираюсь беспокоиться по поводу нее»; 4% опрошенных затруднились с ответом. Данные материалы показывают, что к осознанному, целенаправленному активному участию в политической жизни готово лишь минимальное число российских граждан, а интерес к политике проявляет менее половины населения. Готовность граждан к участию в политической жизни на уровне своего города еще меньшая: «определенно да» – 3%; «скорее да» – 15%; «скорее нет» – 35%; «определенно нет» – 42%; «затрудняюсь ответить» – 5%³.

На наш взгляд, объяснить такую ситуацию можно, прежде всего, тем, что гражданин, даже с вполне развитым политическим сознанием, не вполне уверен, что те, кто претендуют на роль «политика», занимаются перед его глазами именно политикой, а не бизнесом, не администрированием, не коррупционной или криминальной деятельностью, в конце концов. Теоретически подкованный гражданин в любой современной стране знает, что политика есть процесс столкновения политических интересов. Но именно эти специфические интересы ему крайне трудно выделить из общей массы всего того, что сегодня людьми, претендующими на статус представителя политической элиты, предъявляется в качестве заявки на участие в политике. Просто потому, что рядовой гражданин вынужден судить об обоснованности такой претензии на основании признаков, которые прямого отношения к политической элитарности не имеют. По крайней мере, если ориентироваться на то, как представляет очертания политической элитарности классика либеральной политической мысли.

Как выглядят в этом смысле реальные возможности российского гражданина на практике? Чаще всего о политичности статуса представителя «элитарной тусовки» сегодня ему приходится судить, например, по факту включенности этого «политика» в какой-либо административный механизм, наделенности его «административным

ресурсом» и потенциалом конвертации этого ресурса в собственные политические интересы и возможности.

В отечественных политологических исследованиях и публицистике, особенно когда затрагивается региональная тематика, за последнее десятилетие как-то уже прижились термины «административно-политическое управление», «административно-политическая элита». Данное обстоятельство говорит о том, что это проблема не одного только массового сознания. В определенном смысле можно утверждать, что эта проблема затрагивает и методологию политической науки. В современном мире демократической политики то принципиальное различие между чиновником и политиком, на обязательности которого настаивал Макс Вебер в своей классической работе «Политика как призвание и профессия», оказалось в методологическом плане не так уж и востребовано. Даже если говорить о современной Европе, можно констатировать, что в рамках Евросоюза, как организации, координирующей и направляющей политические усилия большинства европейских государств, также можно видеть реакцию на эту «политико-элитарную тусовку» самих европейцев: термин «чиновники Евросоюза» вполне прижился среди них.

Российский гражданин вроде бы обладает возможностью судить о политическом статусе представителя элиты по факту вхождения данного представителя в один из институтов гражданского общества. Вроде бы очевидно, что человек, претендующий на партийное лидерство, например, по определению должен быть представителем именно политической элиты и никакой другой. Но, с другой стороны, рядовому избирателю неизвестен реальный смысл вхождения человека в ряды партийной элиты, а опыт многих электоральных кампаний заставляет гражданина сомневаться в публичной аргументации партийных и беспартийных кандидатов в мотивах своего участия в политике.

Возникает вопрос, как претендент на представительство народных интересов может и должен именно политическими средствами заявить о своей «лучшести» (элитарности)? В идеале он должен проявить способность вести массу рядовых граждан к понятной и привлекательной для них и для него самой цели – к новому качеству экономической, социальной, правовой, культурной и, естественно, самой политической жизни. Цели настолько значимой и новой, обеспечивающей прогресс социально-экономической и государственной систем, что она придает смысл всем столкновениям политических и неполитических интересов людей и социальных групп и, что особенно важно, обосновывает те расходования государственных и общественных ресурсов на реализацию интересов, из которых тоже складывается политическая жизнь.

Однако здесь возникает другая практическая и теоретическая проблема. Достаточно заглянуть в программы большинства современных зарубежных и отечественных политических партий (если только это не организации радикально-экстремистской направленности, ставящие перед гражданами цели разрушения одного порядка и насаждения принципиально нового политического порядка, или партии, проповедующие конкретную цель государственно-национального обособления), чтобы увидеть теоретически унылую картину. Все партии выступают за то, чтобы сегодня сделать жизнь граждан «лучше и веселее» в смысле прав и гарантий, но не предлагают ничего принципиально нового в плане целей развития современных социально-политических систем, кроме уже предложенных двести лет тому назад классиками либеральной теории⁴. Возникает резонный вопрос: является ли в этом случае партийный функционер, не выполняющий возложенной на него политической функции, представителем именно политической элиты, или же он просто обычный чиновник, только трудящийся и оказывающий гражданам возмездные услуги не по государственному, а по общественному ведомству?

Это, в сущности, вариация все той же веберовской дилеммы: бюрократ – политик. Но, несмотря на свою теоретическую очевидность, этот вопрос не становится проще для рядового гражданина. Он пытается понять: находятся ли вокруг него эти самые настоящие политики, представители политической элиты, под руководством которых и он сам может попробовать самореализоваться в качестве активного политического субъекта? Или это субъекты, симулирующие свою политичность и паразитирующие на общественно-политических ресурсах?

Не становится этот вопрос проще и для политолога, который пытается найти именно политиков, именно разнообразие интересов у ее субъектов, разнообразие стратегий и тактик, целей и задач развития в практиках партийной работы. И находит все это, если вообще находит, с большим трудом. Приходится опять же руководствоваться далеким, в сущности, от классических представлений о смысле политической игры критерием отнесения субъекта к политической элите. То есть ставить вопрос не о том, есть ли у данного субъекта представление о конкретной цели движения политической системы, есть ли у него интересы к использованию властных институтов над государством и обществом для достижения именно этой цели, а находить ответы на неклассические вопросы: богат ли претендент на власть настолько, чтобы не разворовывать общественное достояние?⁵ Какие у него связи в «верхах» бюрократической вертикали? Понимает ли он бизнес и умеет ли им управлять? Симптоматично, что характеристики «крепкий хозяйственник», «компетентный организатор»,

«технократ», «эффективный менеджер» в последние полтора десятилетия стали ключевыми позициями для самоидентификации многих российских представителей политической элиты и для легитимации такого самопозиционирования в массовом гражданском сознании. Это не замедлило найти отражение и в многочисленных учебных пособиях по избирательным технологиям и формированию определенного имиджа политика.

Собственно политическое качество «лучше-сти» (элитарности) субъекта как бы постоянно ускользает от взгляда политического аналитика так же, как и от взгляда рядового гражданина. В чем причина такого ускользания? Можно предположить, что причина в том, что, действительно, у «цветущей сложности» общей картины современного бытования политических элит есть фундаментальная подоплека, которую целесообразно понять и концептуализировать.

В этом случае возможно не адресовать со стороны политической науки избыточных упреков состоянию массового сознания граждан, вследствие которого они не находят политики там, где она по всем канонам теории должна быть, и нередко просто сторонятся политического участия. Возможно также не адресовать столь же избыточных претензий элитам, которые могли бы, с точки зрения либеральной теории, в благоприятных условиях демократического процесса заниматься именно политикой, а на практике занимаются чем-то совсем другим (администрированием, бизнесом, иногда криминалом). И, тем не менее, называют это «политикой» и запутывают и без того сложные в условиях демократии общественно-государственные отношения.

Подоплекой нынешней «цветущей сложности» политических элит, возможно, явилось перераспределение ценностных статусов «прошлого», «настоящего» и «будущего» в системе политической культуры. С одной стороны, правила политической игры с отдаленнейших времен до наших дней предусматривают обязательность апелляции субъектов политики к «прошлому» и «будущему» как позитивным и негативным ценностям. Наиболее законченным форматом таких апелляций стали в последние два века истории цивилизованных обществ и государств идеологии консерватизма, либерализма и коммунизма. Разные национальные версии этих идеологий придавали «прошлому» и «будущему» значение абсолютных политических ценностей, доводили это значение (если говорить о консерватизме и коммунизме) до общественно-политического и социально-экономического идеала. В теории и, в меньшей степени, на практике только либерализм, надо отдать ему должное, стойко (хотя не всегда успешно, как показал в XX столетии революционный опыт многих европейских стран, а также самой России) стоял на страже ценности «настоящего» и искал пути выработки синтети-

ческих леволиберальных и либерально-консервативных идеологий.

С другой стороны, если посмотреть на проблему в историческом ракурсе, политика как таковая возникла и стала форматом цивилизованного существования многих народов именно в качестве практического средства расширить маленький зазор, который можно назвать «настоящим», между «прошлым» и «будущим» в архаичных социокультурных системах. Ценность «настоящего» была вписана в них в годичный природный цикл самовоспроизводства социума, детерминирована усилиями людей по воспроизводству мифов ради поддержания связи с «прошлым» и по воспроизводству магических обрядов ради поддержания связи с «будущим».

С исторической точки зрения политический процесс, в сущности, представлял и представляет собой постоянное расширение «настоящего». Это процесс актуализации «настоящего» как ценности, ориентация на которую элит и социума создает то самое политическое пространство, где одновременно могут сосуществовать и взаимодействовать самые разнообразные интересы и ресурсы социальных субъектов.

Это расширение пространства для политической активности социальных субъектов происходило и происходит за счет постепенного поглощения «настоящим», как системообразующей для политического пространства ценностью, «прошлого» и «будущего». С момента возникновения идеологий «прошлое» служило для либерализма и коммунизма в качестве обоснования закономерной необходимости революционного преобразования «настоящего». «Будущее», соответственно, служило для обоснования стратегии целенаправленного конструирования «настоящего» и тактических действий по внедрению этой идеологической конструкции в практику. Консерватизм в большинстве своих вариаций был нацелен на защиту естественных организационных начал в «настоящем» от внедрения в него искусственных и умозрительных идеологизированных конструкций, которые, по мнению сторонников консерватизма, ставили под сомнение саму вероятность движения общества в «будущее».

Развитие гуманитарного знания в последние века истории, достижение современными людьми посредством науки понимания «прошлого» и «будущего» в рамках единой логики – все это придало такому поглощению ускоренный характер. Уже Ф. Ницше был склонен расширять границы «действительной» политики до границ «действительной» (в его специфическом понимании) культуры как таковой. В XX столетии тезис о способности политики «быть всем» и «поглотить все», в сущности, уже никем не оспаривался, кроме стойких последователей анархистского учения.

В XXI в. политика окончательно, объективно и субъективно, стала «всем». Настолько, что

подавила в развитых социально-политических сообществах даже базовые инстинкты выживания в конкурентной культурной среде, сохранения своих базовых традиций и ценностей, включая ценности религиозные, семейные, трудовые. Политика пресловутого «мультикультурализма» и «экспорта демократии» четко обозначила своей практической реализацией готовность значительной части граждан и основного состава политических элит мыслить свое существование сугубо интересами, задачами, ресурсами и рисками «настоящего».

«Прошлое» и «будущее» в современных идеологических продуктах и в практической либерально-демократической политике стали для «настоящего», как доминирующей ценности, не более чем «оправой». «Прошлое», например, можно подшлифовывать в порядке совершенствования государственных стандартов изучения истории. Крайним вариантом является переписывание мировой истории, как это делается, например, на Украине, когда главным субъектом становления мировой цивилизации объявляются вдруг доселе не известные никому мифические «укры».

«Будущее» также можно использовать для актуализации «настоящего» в порядке популяризации научной (точнее, околонучной) фантастики, имеющей к реальной политической жизни «сегодня» очень опосредованное отношение. Однако для политической актуализации «настоящего» чаще всего используют проекции будущего, обусловленные ориентацией на действующие референтные институциональные образцы. Проект объединенной Европы должен был служить в этом отношении глобальной моделью постепенного преобразования «настоящего» ее разнородных членов до уровня наиболее развитых в политическом и социально-экономическом плане стран. Однако последний мировой кризис показал, что имеющиеся противоречия внутри отдельных стран преодолеть не удалось и достигнутый рост благосостояния обеспечивался во многом за счет перераспределения ресурсов экономически более развитых стран Европейского сообщества.

По мнению К. С. Гаджиева, «парадокс современного секуляризованного мира состоит в том, что, отвергая традиционные религии и идеологии в качестве руководящих систем ценностей, норм, ориентаций, ожиданий и т. д., он в то же время создает условия для формирования разного рода новых утопий, мифов, идеологий, которые функционально выполняют роль тех же традиционных религий и идеологий»⁶. Например, целенаправленно внедряемая, но ничем не подкрепленная вера в то, что вступление в ЕС поможет Украине быстро модернизировать экономическую и социальную инфраструктуру и достичь европейского уровня жизни, стала одним из главных мотивов массового участия ря-

довых граждан в протесте на майдане против курса президента В. Януковича на сохранение и развитие взаимовыгодной интеграции с Россией и другими странами СНГ.

В настоящее время популярность приобрела постмодернистская идея, что для достижения современными обществами и государствами максимально комфортного для них существования «прошлое» и «будущее» вообще лучше выкраивать и конструировать по лекалам «настоящего» и отталкиваться в практической политике, как международной, так и внутренней, не от исторически выработанных легитимных «стандартов», а превращать в стандарт политики ее сегодняшние многообразные ситуативные состояния. Это находит отражение и в позициях современных исследователей, считающих, что «утверждение системы идеологических отношений всегда практически обусловлено»⁷. По мнению Г. И. Мусихина, в современных условиях поддержку получает тот, «кто может представить свою идеологическую позицию как устремление большинства. В этом смысле знаменитый тезис о “конце идеологии” сам может быть интерпретирован как попытка ценностного (то есть идеологического) обоснования господства носителей неких прагматических знаний. Ибо совершенно непонятно, почему мы должны доверять квалификации больше, чем убеждениям, если только не подразумевается, что квалификация предполагает наличие тех или иных убеждений или даже тождественна им»⁸. То есть «прагматические знания» совершенствования «настоящего» ставятся выше мировоззренческих и морально-нравственных принципов, определяющих вектор стратегической направленности общества в «будущее». Не случайно, что многие российские политики за последние два с лишним десятилетия с легкостью кочуют из одной партии в другую, а также с легкостью преобразуют одну партию в другую, ориентируясь на потребу дня и целесообразность текущего момента⁹.

Более того, современные варианты «классических» идеологий настолько утратили контуры своих ценностных и позиционных отличий друг от друга в результате взаимозаимствования, что позволяют некоторым исследователям констатировать: «В наше время идеологическая эклектика – доминирующий вид политического мышления, и в этом своем доминировании она стала главным морально-политическим вызовом»¹⁰. Правда, примечательно, что автор одновременно высказывает сомнение в правильности такой ситуации: «Не является ли периодически всплывающий упрек в идеологической эклектике не просто рудиментом прошлого, но и выражением какого-то глубинного представления о природе политики и идеологии, которое, несмотря на все произошедшие изменения, не может полностью исчезнуть?»¹¹

Сегодня в ходу понятие «политика двойных стандартов». Вероятно, правильное было бы

говорить о том, что современная политическая жизнь в мире «мультистандартна», основана на стремлении политических субъектов к бесконечности комбинаций и интерпретаций тех ценностей, из которых такой стандарт политики обычно складывался во все времена.

Реализация в развитых странах стратегий модернизации и – особенно – культурная глобализация придали в последние десятилетия «настоящему» уже не просто свойства доминирующей политической ценности, а свойства идеала. Концепция «общества потребления» проделала в своем развитии нормальный путь от научной гипотезы до идеологии естественного существования «современных» социально-политических систем. Стала, иначе говоря, идеологией «настоящей» политики, сводом правил мышления и поведения для «настоящих современных политических элит». Эта «настоящность» и становится сегодня видимой для рядового гражданина во всей своей полноте в виде не всегда ему понятной этой самой, образно говоря, «цветущей сложности» картины бытования политических элит в России и других странах.

Таким образом, идеологические ценности в процессах рекрутирования политических элит в современных условиях выполняют, прежде всего, инструментальную роль для сегментирования электората с целью привлечь на свою сторону голоса различных социальных групп. Это обусловлено тем, что классические метаидеологии (либерализм, консерватизм, социал-демократия) утратили четкость своих границ социального позиционирования в результате взаимного ценностного заимствования и формирования своего рода консенсусного ценностного ядра. По его поводу у представителей данных метаидеологий нет стратегических противоречий, в ходе предвыборных кампаний борьба идет лишь по поводу тактических нюансов реализации прав и свобод личности, расширения или ограничения регулирующей роли государства, конкретных вопросов социально-экономической политики. Но отсутствие конкуренции стратегических идеологических альтернатив, как представляется, есть не что иное, как обозначенное К. Леонтьевым начало упадка в результате перехода ко «вторичному смесительному упрощению». Не случайно, что либеральная модель демократического «общества потребления», навязываемая всему миру в процессе глобализации как универсальная, вызывает сопротивление во многих странах мира и приводит к конфликтам различного рода.

Примечания

- ¹ Леонтьев К. Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. С. 116.
- ² Опрос был проведен 22–25 августа 2014 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18

лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны. См.: Левада-Центр : [сайт]. URL: <http://www.levada.ru/11-09-2014/zhelanie-uchastvovat-v-politike> (дата обращения: 11.09.2014).

³ Там же.

⁴ Подробнее см.: *Вилков А. А.* Либеральные и социал-демократические ценностные ориентиры партийной элиты в современной России // *Элитология России : современное состояние и перспективы развития : материалы Первого Всерос. элитологического конгр. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 7–8 октября 2013 г.) / ред.-изд. гр. В. В. Рудой (рук.) [и др.] : в 2 т. Ростов н/Д : Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. Т. 2. С. 26–44.*

⁵ Обусловлено это тем, что бедность и политическая элитарность, как правило, на уровне массового созна-

ния как европейцев и североамериканцев, так россиян плохо согласуются между собой

⁶ *Гаджиев К.* Метаморфозы идеологии в условиях глобализации // *Власть.* 2011. № 11. С. 8.

⁷ *Баранец Н., Веревкин А., Ершова О.* Об идеологии и идеологизации науки // *Власть.* 2011. № 6. С. 127.

⁸ *Мусихин Г. И.* Идеология и власть // *Полития.* 2010. № 3–4 (58–59). С. 37.

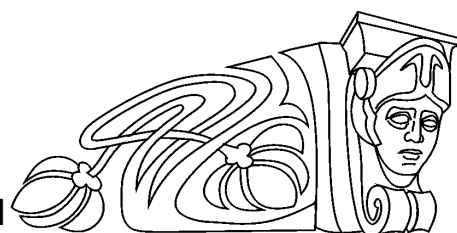
⁹ Достаточно вспомнить трансформации либеральных партий, а также процесс конструирования пропрезидентских партий власти в момент формирования многопартийности в постсоветской России.

¹⁰ *Фишман Л. Г.* Слишком много эклектики // *Полития.* 2010. № 2 (57). С. 153.

¹¹ Там же. С. 154.

УДК 32.01

«ДИСКОМФОРТНОСТЬ» РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ПРОБЛЕМА «КОМФОРТНОЙ» АЛЬТЕРНАТИВЫ

Г. М. Барашков

Саратовский государственный университет
E-mail: Eternity65@yandex.ru

Статья посвящена анализу внешних и внутренних проблем, угроз и рисков, с которыми сталкиваются современные социально-политические системы, а также поиском новой модели мироустройства, способной нивелировать противоречия современного мира, обеспечив комфортные условия для жизни и развития современных обществ.

Ключевые слова: демократия, гражданское общество, социально-политические системы, аналоговая модель, «дискомфортность» развития, либеральная демократия, кризис.

«Discomfort» of Modern Democratic Social and Political Systems' Development and the Problem of «Comfort» Alternative

G. M. Barashkov

The article is about analysis of extrinsic and intrinsic problems, threats, and risks contemporary social and political systems are facing. The author is looking for the new world order model capable of neutralizing of the modern world controversies through providing comfort conditions for the life and development of contemporary societies.

Key words: democracy, civil society, social and political systems, analogous model, «discomfort» of development, liberal democracy, crisis.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-91-95

На форуме «Валдайский клуб» (октябрь 2014 г.) Президент РФ В. В. Путин призвал участников, сидевших в зале, поразмышлять над тем, насколько комфортно существование чело-

века в современном мире. «Давайте зададимся вопросом, – сказал в своем выступлении президент, – насколько всем нам комфортно, безопасно, приятно жить в таком мире, насколько он справедлив и рационален»¹. Акцент в своем выступлении Путин сделал на внешних угрозах и рисках, с которыми сталкиваются ныне существующие социально-политические системы. Но проблема, как представляется, значительно масштабнее, шире и глубже. И вопрос, поставленный президентом, может быть развернут в другую плоскость: насколько комфортно и безопасно существование современного человека внутри самих социально-политических систем, в условиях, общие свойства которых определяются современной наукой посредством понятий «гражданское общество» и «правовое государство»? Нетрудно предположить, что между осознанием человеком внешних угроз своему существованию и ощущением им своей незащищенности в качестве гражданина современного демократического государства существует глубокая внутренняя связь. Будь среди участников форума экономист Макс Розер из Оксфордского университета, он, вероятно, привел бы статистические данные, согласно которым современный мир однозначно комфортнее и безопаснее для проживания, чем лет сто тому назад, и устроен гораздо более рационально, чем прежде. Один отечественный обозреватель так прокомментировал расчеты британского экономиста: «Многие считают, что в настоящий момент происходит существенно больше актов насилия, чем в прошлом,